

Эволюция рыцарского вооружения в XI–XIII вв. Реконструкция Виолле-ле-Дюка по различным памятникам. Слева направо: рыцарь – конец XI в.; рыцарь – середина XII в.; рыцарь – начало XIII в.

думали, что стоят на прямой дороге к блаженству в здешнем и будущем мире. Они не считали необходимым откладывать дело в ожидании знати, под властью которой томилась до тех пор, и торопились свергнуть с себя иго. Внешний быт того общества побуждал его изменить обычный порядок гражданской жизни, и народ поддавался этому побуждению с каким-то диким восторгом и фанатическим воодушевлением. Все были убеждены, что сам Бог явится их вождем и заступником и рассчитывали на него, а не на светских и им ненавистных предводителей. Воинству Господню надлежало ожидать величайшего счастья на земле; Бог позаботится о них и предаст в их руки богатства неверных и нечестивых. Одним словом, этот народ оторвался от всех светских условий своей родины и даже всеми возможными средствами вступал с ними в борьбу.

Если мы обратимся теперь к исследованию вопроса, как относилась эта аскетическая ревность к Папе или, говоря вообще, к иерархическим стремлениям той эпохи, то мы заметим если не открытую ненависть, то полнейшее равнодушие. Конечно, нет тому фактических выражений, ибо почтительный страх к апостольскому престолу успел уже укорениться, но тем не менее замечателен исторический взгляд того времени на возникновение Крестовых походов, который мог явиться только в ту эпоху и был направлен к тому, чтобы приписать наибольшую часть папского влияния какому-то фанатику, служившему идеалом аскета. Такое направление легенды о Петре Пустыннике – а ее-то именно я и имею теперь в виду – само по себе очевидно; но для доказательства того, что она не может иметь ни малейшего притязания на историческую достоверность, необходимо ближайшее ее